

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия основана издательством
ЭКСМО в 2002 году

БЕОВУЛЬФ
СТАРШАЯ ЭДДА
ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ

УДК 82(1-87)
ББК 84(0)4
Б 47

Вступительная статья *А. Гуревича*
Примечания *А. Либермана, М. Стеблин-Каменского, А. Гуревича*

«Беовульф» — перевод с древнеанглийского *В. Тихомирова*
«Старшая Эдда» — перевод с древнеисландского *А. Корсуна*
«Песнь о нибелунгах» —
перевод со средневерхненемецкого *Ю. Корнеева*

Печатается по изд.: Беовульф. Старшая Эдда.
Песнь о нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975

Оформление серии *А. Бондаренко*

Оформление суперобложки *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы
фрагменты работ художников *Чарльза Эрнеста Батлера,*
Георга Куглера и Гастона Бюсефа

Иллюстрации *Артура Рэкхема*

Б 47 **Беовульф ; Старшая Эдда ; Песнь о нибелунгах.** — М. :
Эксмо, 2014. — 864 с. : ил.— (Библиотека всемирной литерату-
туры).

ISBN 978-5-699-68750-3

Знаменитые эпические поэмы Средневековья: англосаксонская поэ-
ма «Беовульф», сборник древнеисландских песен «Старшая Эдда», немец-
кий эпос «Песнь о нибелунгах» — это уникальный материал по мифологии
и важнейший источник для изучения европейской истории и литературы.
Тексты печатаются с подробными комментариями, вступительной ста-
тей и иллюстративным материалом.

Мифологические сюжеты можно проследить едва ли не в любом
виде искусства: это и оперный цикл Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелун-
га», и жанр фэнтези («Властелин колец» Дж. Толкина), и серия картин
Николая Рериха.

УДК 82(1-87)
ББК 84(0)4

- © А. Гуревич, вступительная статья, примечания. Наследники, 2014
- © В. Тихомиров, перевод на русский язык. Наследники, 2014
- © Ю. Корнеев, перевод. Наследники, 2014
- © А. Корсун, перевод на русский язык. Наследники, 2014
- © А. Либерман, примечания, 2014
- © М. Стеблин-Каменский, примечания. Наследники, 2014
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-68750-3

Содержание

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

ГЕРМАНСКИХ НАРОДОВ

А. Гуревич

9

БЕОВУЛЬФ

Перевод В. Тихомирова

37

СТАРШАЯ ЭДДА

Перевод А. Корсуна

205

ПЕСНИ О БОГАХ

ПРОРИЦАНИЕ ВЁЛЬВЫ

207

РЕЧИ ВЫСОКОГО

215

РЕЧИ ВАФТРУДНИРА

231

5

Речи Гримнира

237

Поездка Скирнира

244

Песнь о Харбарде

248

Песнь о Хюмире

254

Перебранка Локи

258

Песнь о Трюме

266

Речи Альвиса

270

ПЕСНИ О ГЕРОЯХ

Песнь о Вёлунде

275

Первая Песнь о Хельги, Убийце Хундинга

281

Песнь о Хельги, сыне Хьёрварда

288

Вторая Песнь о Хельги, Убийце Хундинга

295

6

ПРОРОЧЕСТВО ГРИПИРА
305

РЕЧИ РЕГИНА
312

РЕЧИ ФАФНИРА
317

РЕЧИ СИГДРИВЫ
323

ОТРЫВОК ПЕСНИ О СИГУРДЕ
327

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ О ГУДРУН
330

КРАТКАЯ ПЕСНЬ О СИГУРДЕ
334

ПОЕЗДКА БРЮНХИЛЬД В ХЕЛЬ
342

ВТОРАЯ ПЕСНЬ О ГУДРУН
344

ТРЕТЬЯ ПЕСНЬ О ГУДРУН
350

ПЛАЧ ОДДРУН
351

ГРЕНЛАНДСКАЯ ПЕСНЬ ОБ АТЛИ
355

ГРЕНЛАНДСКИЕ РЕЧИ АТЛИ
361

ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО ГУДРУН
373

РЕЧИ ХАМДИРА
376

ЭДДИЧЕСКИЕ ПЕСНИ,
СОХРАНИВШИЕСЯ НЕ В ОСНОВНОЙ РУКОПИСИ
«СТАРШЕЙ ЭДДЫ»

СНЫ БАЛЬДРА
380

ПЕСНЬ О РИГЕ
382

ПЕСНЬ О ХЮНДЛЕ
387

ПЕСНЬ О ГРОТТИ
393

ПЕСНЬ ВАЛЬКИРИЙ
397

ПЕСНЬ О ХЛЁДЕ
398

ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ
Перевод Ю. Корнеева
405

ПРИМЕЧАНИЯ
А. Либермана, М. Стеблин-Каменского, А. Гуревича
721

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ГЕРМАНСКИХ НАРОДОВ

Произведения героической поэзии, представленные в этом томе, относятся к Средневековью — раннему (англосаксонский «Беовульф») и классическому (исландские песни «Старшей Эдды» и немецкая «Песнь о нибелунгах»). Истоки же германской поэзии о богах и героях — гораздо более древние. Уже Тацит, который одним из первых оставил описание германских племен, упоминает древние песни их о мифических предках и вождах: эти песни, по его утверждению, заменяли варварам историю. Замечание римского историка очень существенно: в эпосе воспоминания об исторических событиях сплавлены с мифом и сказкой, причем элементы фантастический и исторический в равной мере принимались за действительность. Разграничения между «фактами» и «вымыслом» применительно к эпосу в ту эпоху не проводилось. Но древнегерманская поэзия нам неизвестна, ее некому было записать. Темы и мотивы, бытовавшие в ней в устной форме на протяжении веков, отчасти воспроизводятся в публикуемых ниже памятниках. Во всяком случае, в них нашли отражение события периода Великих переселений народов (V–VI века). Однако по «Беовульфу» или скандинавским песням, не говоря уже о «Песни о нибелунгах», нельзя восстановить духовную жизнь германцев эпохи господства родового строя. Переход от устного творчества певцов и сказителей к «книжному эпосу» сопровождался более или менее значительными изменениями в составе, объеме и в содержании песен. Достаточно напомнить о том, что в устной традиции песни, из которых затем развились эти эпические произведения, существовали в языческий период, тогда как письменную форму они приобрели столетия спустя после христианизации. Тем не менее христианская идеология не определяет содержания и тональности эпических поэм, и это становится особенно ясным

при сравнении германского героического эпоса со средневековой латинской литературой, как правило, глубоко пронизанной церковным духом¹.

Эпическое произведение универсально по своим функциям. Сказочно-фантастическое не отделено в нем от реального. Эпос содержит сведения о богах и других сверхъестественных существах, увлекательные рассказы и поучительные примеры, афоризмы житейской мудрости и образцы героического поведения; назидательная функция его столь же неотъемлема, как и познавательная. Он охватывает и трагическое, и комическое. На той стадии, когда возникает и развивается эпос, у германских народов не существовало в качестве обособленных сфер интеллектуальной деятельности знаний о природе и истории, философии, художественной литературы или театра, — эпос давал законченную и всеобъемлющую картину мира, объяснял его происхождение и дальнейшие судьбы, включая и самое отдаленное будущее, учил отличать добро от зла, наставлял в том, как жить и как умирать. Эпос вмещал в себя древнюю мудрость, знание его считалось необходимым для каждого члена общества.

Целостности жизненного охвата соответствует и цельность выводимых в эпосе характеров. Герои эпоса вырублены из одного куска, каждый олицетворяет какое-то качество, детерминирующее его сущность. Беовульф — идеал мужественного и решительного воина, неизменного в верности и дружбе, щедрого и милостивого короля. Гудрун — воплощенная преданность роду, женщина, мстящая за гибель братьев, не останавливаясь перед умерщвлением собственных сыновей и мужа, подобно (но вместе с тем и в противоположность) Кримхильде, которая губит своих братьев, карая их за убийство любимого супруга Зигфрида и отнятие у нее золотого клада. Эпический герой не мучим сомнениями и колебаниями, его характер выявляется в действиях; речи его столь же однозначны, как и поступки. Эта монолитность героя эпоса объясняется тем, что он знает свою судьбу, принимает ее как должное и неизбежное и смело идет ей навстречу. Эпический герой не свободен в своих решениях, в выборе линии поведения. Собственно, его внутренняя сущность и та сила, которую героический эпос именует Судьбой, совпада-

¹ Впрочем, сколь различные оценки получала мировоззренческая основа эпической поэзии, явствует хотя бы из следующих двух суждений о «Песни о нибелунгах»: «в основе языческая»; «средневеково-христианская». Первая оценка — Гете, вторая — А.-В. Шлегеля.

ют, идентичны. Поэтому герою остается лишь наилучшим образом доблестно выполнить свое предназначение. Отсюда — своеобразное, может быть, на иной вкус немного примитивное, величие эпических героев.

При всех различиях в содержании, тональности, равно как и в условиях и времени их возникновения, эпические поэмы не имеют автора. Дело не в том, что имя автора неизвестно¹, — анонимность эпических произведений принципиальна: лица, которые объединили, расширили и переработали находившийся в их распоряжении поэтический материал, не осознавали себя в качестве авторов написанных ими произведений. Это, разумеется, не означает, что в ту эпоху вообще не существовало понятия авторства. Известны имена многих исландских скальдов, которые заявляли о своем «авторском праве» на исполняемые ими песни. «Песнь о нибелунгах» возникла в период, когда творили крупнейшие немецкие миннезингеры и по французским образцам создавались рыцарские романы; эту песнь написал современник Вольфрама фон Эшенбаха, Гартмана фон Ауэ, Готфрида Страсбургского и Вальтера фон дер Фогельвейде. И тем не менее поэтическая работа над традиционным эпическим сюжетом, над героическими песнями и преданиями, которые в более ранней форме были всем знакомы, в Средние века не оценивалась как творчество ни обществом, ни самим поэтом, создававшим такого рода произведения, но не помышлявшим о том, чтобы упомянуть свое имя².

Черпая из общего поэтического фонда, составитель эпической поэмы сосредоточивал внимание на избранных им героях и сюжете, отгесняя на периферию повествования многие другие связанные с этим сюжетом предания. Подобно тому как луч прожектора высвечивает отдельный кусок местности, оставляя во мраке большую ее часть, так и автор эпической поэмы (автор в указанном сейчас смысле, т. е. поэт, лишенный авторского самосознания), разрабатывая свою тему, ограничивался намеками на ее ответвления, будучи уверен в том, что его аудиторией уже известны все события и персонажи, как воспе-

¹ В науке не раз делались — неизменно малоубедительные — попытки установить авторов эддических песен или «Песни о нибелунгах».

² Сказанное относится и к некоторым видам прозаического творчества, например к исландским сагам и ирландским сказаниям. См. предисловие М. И. Стеблин-Каменского к изданию исландских саг в «Библиотеке всемирной литературы».

ваемые им, так и те, которые лишь вскользь им упоминались. Сказания и мифы германских народов нашли лишь частичное воплощение в их эпических поэмах, сохранившихся в письменном виде, — остальное либо пропало, либо может быть восстановлено только косвенным путем. В песнях «Эдды» и в «Беовульфе» в изобилии разбросаны беглые указания на королей, их войны и раздоры, на мифологических персонажей и предания. Немногословных аллюзий было вполне достаточно для того, чтобы в сознании слушателей или читателей героического эпоса возникли соответствующие ассоциации. Эпос обычно не сообщает чего-либо совершенно нового. Сила его эстетического и эмоционального воздействия от того нисколько не уменьшается, — наоборот, в архаическом и в средневековом обществе наибольшее удовлетворение доставляло, по-видимому, не получение оригинальной информации, или не только ее, но и узнавание ранее известного, новое подтверждение старых и потому му особенно ценимых истин¹.

Эпический поэт, обрабатывая не ему принадлежавший материал, героическую песнь, миф, сказание, легенду, широко применяя традиционные выражения, устойчивые сравнения и формулы, образные клише, заимствованные из устного народного творчества, не мог считать себя самостоятельным творцом, сколь на самом деле ни был велик его вклад в окончательное создание героической эпопеи. Это диалектическое сочетание нового и воспринятого от предшественников постоянно порождает в современном литературоведении споры: наука склоняется то к подчеркиванию народной основы эпоса, то в пользу индивидуального творческого начала в его создании.

Формой германской поэзии на протяжении целой эпохи оставался топический аллитерационный стих. Особенно долго эта форма сохранялась в Исландии, тогда как у континентальных германских народов уже в раннее Средневековье она сменяется стихом с конечной рифмой. «Беовульф» и песни «Старшей Эдды» выдержаны в традиционной аллитерационной форме, «Песнь о нибелунгах» — в новой, основанной на рифме. Старогерманское стихосложение опиралось на ритм, определявшийся числом ударных слогов в стихотворной строке. Аллитерация — созвучие начальных звуков слов, стоявших под смысловым ударением и повторявшихся с определенной ре-

¹ Не будет ли здесь уместно сравнение с детским восприятием сказки? Ребенок знает ее содержание, но его удовольствие от все нового ее прослушивания не убывает.

гулярностью в двух соседних строках стиха, которые в силу этого оказывались связанными. Аллитерация слышна и значима в германском стихе, поскольку ударение в германских языках преимущественно падает на первый слог слова, являющийся вместе с тем его корнем. Понятно поэтому, что воспроизведение этой формы стихосложения в русском переводе почти невозможно. Весьма затруднительно передать и другую особенность скандинавского и древнеанглийского стиха, так называемый кеннинг (буквально — «обозначение») — поэтический перифраз, заменяющий одно существительное обычной речи двумя или несколькими словами. Кеннинги применялись для обозначения наиболее существенных для героической поэзии понятий: «вождь», «воин», «меч», «щит», «битва», «корабль», «золото», «женщина», «ворон», причем для каждого из этих понятий существовало по несколько или даже по многу кеннингов. Вместо того чтобы сказать «князь», в поэзии употребляли выражение «даритель колец», распространенным кеннингом воина был «яшень сражения», меч называли «палкой битвы» и т. д. В «Беовульфе» и в «Старшей Эдде» кеннинги обычно двучленные, в скальдической же поэзии встречаются и многочленные кеннинги.

«Песнь о нибелунгах» построена на «кюренберговой строфе», которая состоит из четырех парно рифмованных стихов. Каждый стих разделен на два полустишия с четырьмя ударными слогами в первом полустишии, тогда как во втором полустишии первых трех стихов — по три ударения, а во втором полустишии последнего стиха, завершающем строфу и формально, и по смыслу, — четыре ударения. Перевод «Песни о нибелунгах» со средневерхненемецкого языка на русский не встречает таких трудностей, как перевод аллитерированной поэзии, и дает представление о ее метрической структуре.

БЕОВУЛЬФ

Единственная существующая рукопись «Беовульфа» датируется примерно 1000 годом. Но сама эпопея относится, по мнению большинства специалистов, к концу VII или к первой трети VIII века. В тот период англосаксы уже переживали начинавшийся процесс зарождения феодальных связей. Поэме, однако, присуща эпическая архаизация. Кроме того, она рисует действительность со специфической точки зрения: мир «Беовульфа» — это мир королей и дружинников, мир пиров, битв и поединков.

Фабула этой крупнейшей из англосаксонских эпоей не сложна. Беовульф, молодой витязь из народа гаутов, узнав о бедствии, которое обрушилось на короля данов Хигелака, — о нападениях чудовища Гренделя на его дворец Хеорот и о постепенном истреблении им в течение двенадцати лет дружинников короля, отправляется за море, чтобы уничтожить Гренделя. Победив его, он затем убивает в новом единоборстве, на этот раз в подводном жилище, другое чудовище — мать Гренделя, которая пыталась отомстить за смерть сына. Осыпанный наградами и благодарностями, возвращается Беовульф к себе на родину. Здесь он совершает новые подвиги, а впоследствии становится королем гаутов и благополучно правит страной на протяжении пятидесяти лет. По истечении этого срока Беовульф вступает в бой с драконом, который опустошает окрестности, будучи разгневан покушением на охраняемый им древний клад. Беовульфу удастся победить и это чудовище, но — ценою собственной жизни. Песнь завершается сценой торжественного сожжения на погребальном костре тела героя и сооружения кургана над его прахом и завоеванным им кладом.

Эти фантастические подвиги перенесены, однако, из ирреального мира сказки на историческую почву и происходят среди народов Северной Европы: в «Беовульфе» фигурируют датчане, шведы, гауты¹, упоминаются другие племена, названы короли, которые некогда действительно ими правили. Но это не относится к главному герою поэмы: сам Беовульф, видимо, не имел исторического прототипа. Поскольку в существование великанов и драконов тогда все верили безоговорочно, то соединение подобных историй с рассказом о войнах между народами и королями было вполне естественным. Любопытно, что англосаксонский эпос игнорирует Англию (это породило, между прочим, ныне отвергнутую теорию о скандинавском его происхождении). Но, может быть, эта черта «Беовульфа» не покажется столь уж разительной, если иметь в виду, что и в других произведениях англосаксонской поэзии мы встречаем самые различные народы Европы и что с тем же фактом мы столкнемся и в песнях «Старшей Эдды», а отчасти и в «Песни о нибелунгах».

¹ Кто такие гауты «Беовульфа», остается спорным. В науке предлагались разные толкования: готы Южной Швеции или острова Готланд, юты Ютландского полуострова и даже древние геты Фракии, которых, в свою очередь, в Средние века смешивали с библейскими Гогом и Магогом.

В духе теорий, господствовавших в науке в середине XIX века, некоторые толкователи «Беовульфа» утверждали, что поэма возникла в результате объединения различных песен; было принято рассекать ее на четыре части: поединок с Гренделем, поединок с его матерью, возвращение Беовульфа на родину, поединок с драконом. Высказывалась точка зрения, что первоначально чисто языческая поэма была частично переработана в христианском духе, вследствие чего в ней и возникло переплетение двух мировоззрений. Затем большинство исследователей стали считать, что переход от устных песен к «книжному эпосу» не сводился к простой их фиксации; эти ученые рассматривали «Беовульф» как единое произведение, «редактор» которого по-своему объединил и переработал имевшийся в его распоряжении материал, изложив традиционные сюжеты более пространно. Нужно, однако, признать, что о процессе становления «Беовульфа» ничего не известно.

В эпосе немало фольклорных мотивов. В самом начале упоминается Скильд Скеванг — «найденыш». Лодку с младенцем Скильдом прибило к берегам Дании, народ которой был в то время беззащитен из-за отсутствия короля; впоследствии Скильд стал правителем Дании и основал династию. После смерти Скильда вновь положили на корабль и вместе с сокровищами отправили туда, откуда он прибыл, — чисто сказочный сюжет. Великаны, с которыми сражается Беовульф, сродни великанам скандинавской мифологии, и единоборство с драконом — распространенная тема сказки и мифа, в том числе и северного. В юности Беовульф, который, выросши, приобрел силу тридцати человек, был ленив и не отличался доблестями, — не напоминает ли это молодость других героев народных сказаний, например Ильи Муромца? Приход героя по собственному почину на помощь терпящим бедствие, перебранка его с оппонентом (обмен речами между Беовульфом и Унфертом), испытание доблести героя (рассказ о состязании в плавании Беовульфа и Бреки), вручение ему магического оружия (меч Хрунтинг), нарушение героем запрета (Беовульф отнимает клад в поединке с драконом, не ведая, что над сокровищем тяготеет заклятье), помощник в единоборстве героя с врагом (Виглаф, пришедший на выручку Беовульфу в момент, когда тот был близок к гибели), три боя, которые дает герой, причем каждый последующий оказывается более трудным (битвы Беовульфа с Гренделем, с его матерью и с драконом), — все это элементы волшебной сказки. Эпос хранит многие следы своей предыстории, коренящейся в народном творчестве. Но трагический финал —